

Благодарности

Мы в долгу перед множеством трудолюбивых людей, сыгравших важную роль на различных этапах создания этой книги. Прежде всего мы хотим поблагодарить Центр исследования игромании Онтарио (OPGRC), который финансировал нашу работу в рамках проекта по «передаче знаний». Большая часть исследований, на которые мы опирались при создании этой книги, проводилась в Онтарио при многолетней поддержке центра OPGRC. Как и многие другие исследователи азартных игр, мы не смогли бы добиться подобного результата без его щедрой поддержки и руководства. Итак, спасибо сотрудникам центра OPGRC, а именно исполняющей обязанности директора Джудит Глинн и Эрике Вери Леветт, которая занималась распределением грантов. Мы надеемся на продолжение отношений с OPGRC при новом директоре Гэри О'Конноре.

Мы также благодарим Кэрол Бейкер Лэй и Риту Лэм за расклейку в центре Торонто наших объявлений о наборе персонала. Нам повезло, что проведением интервью занимались замечательные интервьюеры: Кэрол Бейкер Лэй, Кристин Крэндлмайр, Хиллари Киллэм, Рита Лэм, Эме Найгаард, Адрианна Робертсон, Раджвант Сандху, Алекс Тепперман, Марк ван дер Маас и Стейси Джин Уэйнрайт.

Хочется отметить работу студентов, которые расшифровали интервью: Кэрол Бейкер Лэй, Кристин Крэндлмайр, Анита Феер, Ясмин Кортрайт, Мишель Куан, Сьюзен Кван, Рита Лэм, Ричард Лю, Афшин Мерчант, Уриэль Филозоф, Адрианна Робертсон, Дейдрре Райан, Раджвант Сандху, Брианна Сайкс, Алекс Тепперман, Лора Апениекс, Стейси Джин Уэйнрайт и Хурса Язди. Нина

Гейхман, Брианна Сайкс и Ребекка Янг провели контент-анализ мемуаров и интернет-публикаций. Пэм Баутиста, Олеся Биссетт, Кристин Крэндлмайр, Кара Эванс, Анита Феер, Оливер Луэ, Лаура Меркуриано, Дейрдре Райан, Дженна Валлериани и Марк ван дер Маас отвечали за качественный анализ транскриптов. Мы благодарим Стивена Хэма за помощь в управлении данными и Агату Фальковски-Хэм за проведение количественного анализа данных.

Кейтлин Хэмблин оказала огромную помощь в изучении биографических материалов о Достоевском, которые составляют первую треть книги. Никки Мередит и Дейрдре Райан помогли превратить наш первоначальный отчет об исследовании — остальные две трети этой книги — в читабельный черновик.

Наконец, мы благодарим всех тех коллег, которые предоставили критические отзывы на раннюю версию этой рукописи: Пэт Эриксон, Тару Хаманн, Кейт Холланд, Ситце Ф. Кингму, Ричарда Розенталя, Гарри Смита, Марка ван дер Мааса и Кристи Ваннер. Особую благодарность хочется выразить всемирно известному исследователю азартных игр Алексу Блащински за советы и поддержку, а также всемирно известному эксперту по Достоевскому Кеннету Ланцу за подробный критический разбор биографического материала.

Наконец, мы благодарим Дэвида Стовера, президента издательства Oxford University Press (Канада), который всецело поддерживал нашу работу и внес десятки ценных предложений по усовершенствованию этой рукописи. Будучи опытным редактором, Дэвид заметил немало важных стилистических нюансов, на которые мы не обратили внимания. Поэтому, Дэвид, спасибо вам за все! Кроме того, мы хотели бы поблагодарить и другого нашего редактора — Хизер Сангстер из Strong Finish. С Хизер всегда приятно работать, и она всегда неизмеримо улучшала рукопись.

Часть первая

.....

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ
В ЖИЗНИ
ДОСТОЕВСКОГО

.....

Глава 1

Достоевский: предисловие к биографии

Простой вопрос для любителей литературы: кто из двух знаменитых писателей XIX века — Джейн Остин или Ф. М. Достоевский — страдал от тяжелой игровой зависимости? Несложно догадаться, что речь идет о Достоевском (1821–1881).

Чтобы хоть немного понять книги этих авторов, необходимо глубоко погрузиться в их жизнь — в особенности в детские годы. Если из-под пера Остин никогда бы не вышли «Братья Карамазовы», а Достоевский никогда бы не написал «Гордость и предубеждение», на это были причины биографического и психологического характера.

Обратимся, например, к образу отца в творчестве обоих писателей. В книгах Остин отец — например, мистер Беннет из «Гордости и предубеждения» — поддерживает своих детей, относится к ним с теплом и добротой. У Достоевского отцовская фигура выглядит совершенно иначе, и далее мы рассмотрим почему. Действительно, отцы и мужчины в целом в произведениях Достоевского чаще ведут себя жестоко, холодно и отстраненно. С особенно едким презрением Достоевский относится к таким мужчинам, как Степан Трофимович («Бесы»), — напыщенным, властным и *тщеславным* (Достоевский охотно использует это слово в качестве уничижительной характеристики).

Знание того, как прошли ранние годы жизни Остин и Достоевского, позволяет понять, насколько каждый из них в будущем рисковал стать жертвой тяжелой зависимости. Особенно важно обратить внимание на их подход к отображению семейной жиз-

ни и фигуры отца в своих произведениях. Именно об этом пойдет речь в настоящей книге. Основное внимание мы уделим проблеме зависимостей у Достоевского.

История его игровой зависимости началась в 1862 году и закончилась в 1871 году, продлившись, таким образом, почти десять лет — значительную часть взрослой жизни писателя. Эта сторона биографии Достоевского настолько известна, что в 2005–2006 годах его портрет появился на российских лотерейных билетах. Правнук писателя Дмитрий Достоевский подал на государственную спортивную лотерею в суд. В беседе с ведущей радио NPR Мелиссой Блок Дмитрий подчеркнул, что не считает решение организаторов лотереи проявлением уважения к памяти его великого предка. «Воздаянием чести Достоевскому было бы построить больше библиотек имени Достоевского или, может быть, организовать какие-то благотворительные мероприятия имени Достоевского. Это было бы достойно. Но не помещать его портрет на лотерейные билеты» [Dostoevsky D. 2005].

Несмотря на его личные недостатки, ценители большой литературы по-прежнему любят и уважают Достоевского. Возможно, наибольшей популярностью он пользуется среди русских читателей. В своей рецензии на роман «Лето в Бадене», главным героем которого является Достоевский, Юджин Гудхарт отмечает, что автор книги Леонид Цыпкин «одержим Достоевским»:

Саморазрушительные эмоции и поступки Достоевского определили форму и энергию его книг. <...> То, что должно было умерить страсть Цыпкина к Достоевскому, парадоксальным и даже неестественным образом лишь делает ее сильнее: игровая зависимость, жгучий антисемитизм, сложные отношения с друзьями и, в особенности, с женой [Goodheart 2004: 301].

Ему вторит Десмонд О'Грэйди, утверждающий, что даже век спустя

...в Санкт-Петербурге <...> чувствуется, что Достоевский жив, причем не только в библиотеках и книжных магазинах, но и в тех жителях, кто в коммунистические времена благо-

даря его книгам обратился к христианству. <...> Разумеется, романы Достоевского во многом близки его соотечественникам, хоть он и умер сто лет назад. Те ужасы, с которыми он столкнулся во времена Российской империи, хорошо знакомы людям, жившим при Сталине и его преемниках [O'Grady 1994: 6].

Сегодня Достоевского читают во всем мире — не ради его религиозных или политических воззрений, но благодаря его глубокому пониманию психологии и социологии. И все же толчком к созданию книги, которую вы держите в руках, послужило не восхищение его литературным мастерством. Рассматривая эту тему, мы преследуем иные цели. Замысел этой книги возник во время изучения того, как наследуется *игровая зависимость* — проблема, также известная как игромания, лудомания или патологическое влечение к азартным играм.

В ходе исследования мы стремились измерить и объяснить феномен наследования игровой зависимости и понять механизмы, посредством которых эта проблема передается из поколения в поколение. Понемногу стало очевидно, что передается она далеко не всегда, однако понять ситуацию несложно. Генетически склонность к патологическому игровому поведению легко переходит от родителей к детям (впрочем, этот фактор играет незначительную роль). Кроме того, родители выстраивают определенную модель и поощряют определенное поведение (и этот фактор гораздо важнее): семья ведет образ жизни, способствующий возникновению игровой зависимости, и об этом также пойдет речь в настоящей книге.

Неудивительно, что дети патологических игроков с гораздо большей вероятностью сами рискуют обзавестись игровой зависимостью, чем дети тех, кто играет мало или не играет вообще! Та же логика применима и в обратном направлении: если родители не играют в азартные игры, есть большая вероятность, что их дети во взрослой жизни не заинтересуются азартными играми или будут играть умеренно.

Но в нашем исследовании встречаются и другие случаи — более интересные и даже сбивающие с толку. Речь идет о детях

патологических игроков, у которых не вырабатывается игровой зависимости, и о детях, выросших в обычных семьях, но которые сами становятся патологическими игроками. Как нам объяснить последний феномен — людей, чья игровая зависимость возникает словно бы ниоткуда? Данный вопрос и привел нас в конечном итоге к биографии Достоевского: ведь этот великий русский писатель XIX века не только писал об игровой зависимости — на протяжении значительной части взрослой жизни он сам был патологическим игроком.

Чем больше мы узнавали о подобных «нестандартных» случаях, тем интереснее было понять природу ненаследуемых факторов, из-за которых у Достоевского возникла игровая зависимость. В настоящем исследовании мы называем эту комбинацию факторов «эффектом Достоевского». Как станет очевидно из последующих глав, чтобы объяснить игроманию Достоевского — а возможно, и его литературные труды, — необходимо начать с изучения длинной и насыщенной биографии писателя. Это значит, что следует изучить его детские травмы и проблемы, с которыми он столкнулся во взрослой жизни, а также неудачные попытки их преодолеть.

Изучая поведение местных жителей, страдающих от игровой зависимости, мы быстро обнаружили проявления так называемого «эффекта Достоевского». Игровая зависимость не возникает сама по себе — это справедливо и для Достоевского, и для современных игроков. У многих участников нашего исследования прослеживается та же комбинация детских травм и взрослых проблем, что у Достоевского. Отсюда наше предположение: возможно, изучение его биографии поможет выяснить нечто полезное об игромании. В то же время анализ поведения современных игроков может помочь по-новому взглянуть на Достоевского.

Несколько забегаая вперед, отметим один факт, который удалось выявить путем такого сравнения: патологический игрок, отмеченный писательским талантом, способен придать блеск даже собственной зависимости. Для нас Достоевский в 1862–1870 годах — это всего лишь игроман, который, однако, обладает фено-

менальной способностью добывать из шлака своей зависимости золото прозы и экзистенциальной философии. Что же касается современных игроманов из Торонто, то они тоже являются рабами своей привычки, но, в отличие от Достоевского, им не хватает таланта, чтобы использовать ее как материал для романа.

Человеку, страдающему от зависимости, всегда хочется облагородить или даже романтизировать свое патологическое поведение. Рано или поздно так поступает каждый игроман, однако мало кому удастся выйти на уровень, заданный Достоевским в романе «Игрок». Возможно, это наблюдение покажется особенно интересным для современных читателей этой книги — а также для психотерапевтов, которые часами выслушивают приукрашенные, но гораздо менее изящные объяснения от своих пациентов.

В какой-то момент мы осознали, что наш подход в точности соответствует тому, к чему призывал великий социолог Чарльз Райт Миллс в своем классическом труде «Социологическое воображение» [Mills 1959]. С точки зрения Миллса, смысл социологии состоит именно в создании связей между незначительными событиями и большими структурами, между личными сложностями и общественными проблемами и (в конечном итоге) между биографией отдельного человека и историей человечества. В конце концов, что есть общество, если не совокупная биография всех, кто в нем живет? И вместе с тем — что есть отдельная биография, если не рассказ о том, как человек проживает свою жизнь в ограниченных (или структурированных) условиях конкретного общества в конкретную историческую эпоху?

Короче говоря, в хорошем социологическом исследовании нужно изобретательно использовать сравнения и метафоры — а также системный анализ данных, — чтобы понимать, как функционируют люди, отдельные сообщества и общества в целом. Способны ли мы таким образом увидеть и понять то, чего раньше не видели и не понимали? Ответ на этот вопрос и определяет качество исследования.

Итак, в настоящей книге, какой бы короткой она ни была, мы проводим параллель между игровой зависимостью у Достоевско-

го и у современных жителей Торонто, опираясь на методы сравнения и социологического воображения. Мы полагаем, что наша книга способствует более глубокому пониманию обеих тем и, таким образом, окажется интересной как для любителей Достоевского, так и для тех, кто занимается проблемами современной игромании. Но в то же время она носит чисто исследовательский характер. Наша работа не является внушительным вкладом в достоевистику, основанном на анализе вновь обнаруженных источников XIX века, и не претендует на то, чтобы сказать последнее слово в дискуссии о причинах патологического игрового поведения — идет ли речь о России XIX века или о Канаде XXI века. Все, что мы хотим сказать: наше исследование намечает новые направления для изучения игрового поведения и творчества Достоевского.

Начнем с двух предупреждений.

Предупреждение первое: читателю предстоит столкнуться с обширным обсуждением теории Зигмунда Фрейда относительно игровой зависимости у Достоевского. Эти фрагменты, возможно, окажутся длиннее, чем можно было бы ожидать, поскольку современная социология большей частью отказывается от фрейдистского анализа. Тем не менее у нас были три важные причины воздать Фрейду должное. Во-первых, Фрейд уделял большое внимание важности детской травмы при развитии поведенческих проблем — таких как игровая зависимость — во взрослом возрасте, и мы придерживаемся той же позиции. Во-вторых, Фрейд стал первым ученым, разработавшим теорию о происхождении игровой зависимости, и эта теория продолжала влиять на умы психотерапевтов на протяжении всего XX века. В-третьих, Достоевский был известным игроманом. Проблема игромании у него приобрела такой масштаб, что отец психоанализа сделал попытку объяснить ее в одном из своих аналитических эссе — «Достоевский и отцеубийство». Даже сегодня невозможно обсуждать игровое поведение Достоевского, не ссылаясь на классическое эссе Фрейда. Мы не во всем согласны с его выкладками, однако нельзя сделать вид, словно их не существует. Этому эссе все еще принадлежит особое место

в истории лечения зависимостей и развития научной мысли в XX веке.

Предупреждение второе: наша книга рассчитана не только на ученых-социологов, но и на широкую публику. Поэтому мы отказались от традиционного академического подхода, требующего немедленно указать полный список справочной литературы по альтернативным теориям. Такой подход, ставящий литературу во главу угла, пользуется уважением (и вполне заслуженным) в профессиональных журналах, однако зачастую отпугивает неподготовленного читателя. Поэтому, чтобы удержать его внимание, мы решили выбрать форму изложения, которая постепенно становится сложнее и сложнее, пока, наконец, у нас не останется другого выбора, кроме как представить обзор теоретической литературы, — и это чудесным образом все упрощает. Вот почему отсылки к научным работам разбросаны по всей книге.

Итак, давайте начнем с начала. Федор Михайлович Достоевский был одним из наиболее выдающихся писателей XIX века. Кроме того, он по-прежнему считается одним из лучших авторов мировой литературы, писавших об игровой зависимости, и самым известным игроманом среди писателей. Мы стремимся доказать, что биография Достоевского может пролить свет на проблему его игровой зависимости и вместе с тем прояснить некоторые важные вопросы, связанные с поведением современных игроманов.

Во многих отношениях наше исследование подтверждает ценность «модели различных путей», разработанной Алексом Блацински и Лией Науэр в рамках изучения игромании [Blaszczynski, Nower 2002]. В соответствии с этой моделью мы обнаружили, что некоторые люди — «игроки с заданным поведением» — приобретают игровую зависимость в ходе социальной адаптации. Подобная схема в особенности ярко проявляется у тех, кто получает игроманию «по наследству» от родителей. Кроме того, мы выяснили (опять же, в соответствии с моделью Блацински и Науэр), что игроманы другой категории — «эмоционально уязвимые игроки» — часто страдают тревожными расстройствами, депрессией, последствиями семейных травм

и наркотическими зависимостями. Для игроков такого типа, как и для Достоевского, игры становятся убежищем от постоянного стресса, поскольку им не хватает самоконтроля и эффективных копинг-стратегий.

Едва ли можно утверждать, что Достоевский подпадает под третью, самую непростую категорию патологических игроков, по Блащински и Науэр, — это диссоциативные импульсивные игроки, которым свойственна не только уязвимость и склонность играть, когда есть такая возможность, но и нехватка волевого контроля на фоне заметных диссоциативных тенденций. В биографии Достоевского прослеживаются некоторые черты этого типа — при желании читатель может сам сопоставить факты. Однако вряд ли человек, имеющий значительные проблемы в сфере волевого контроля, смог бы провести всю жизнь за письменным столом, вглядываясь в себя и создавая огромные романы, посвященные тончайшим нюансам человеческой психики. Кроме того, игровая зависимость Достоевского продлилась всего десять лет: это заставляет предположить, что в его случае можно говорить о несколько менее выраженной психологической патологии.

Однако, в отличие от Блащински и Науэр, а также других психологов, изучавших проблемное игровое поведение, мы сконцентрировались на долгосрочном исследовании и уделили особое внимание *социальному контексту*. Под этим подразумеваются социальные, культурные и исторические условия, в которых живет человек с развивающейся игровой зависимостью. Для создания правдоподобной теории, объясняющей возникновение игромании, необходимо проанализировать роль игр в том или ином обществе. В то же время нельзя игнорировать методы, к которым игрок прибегал в прошлом, чтобы справиться со стрессом. Игромания — это не та проблема, которую можно объяснить с помощью лабораторных экспериментов, вырванных из контекста, или коротких наблюдений без связи с историческими факторами. В каждый конкретный момент человек выбирает определенный метод борьбы со стрессом, и этот метод — как мы не раз увидим на примере Достоевского — отражает его текущие

потребности и прежние неудачные попытки выйти из подобных ситуаций.

Как уже сказано выше, в своей книге мы стараемся ответить на два главных вопроса. Во-первых, как биография Достоевского, русского писателя XIX века, может помочь в изучении патологического (или компульсивного) игрового поведения жителей современной Канады? Во-вторых, что мы можем узнать о жизни Достоевского, изучая проблемы современных канадских игроманов?

Игромания Достоевского пользовалась большим вниманием у ранних исследователей обсессивного и невротического поведения. Отчасти причиной этому стало упомянутое выше эссе Фрейда. Мы придерживаемся диаметрально противоположного подхода к изучению игровой зависимости — а именно предлагаем социальную интерпретацию, которая нам кажется более убедительной. Отсюда вытекает еще одна задача нашей книги: бросить вызов фрейдистскому, психоаналитическому подходу к проблеме игромании.

При этом имеется один важный пункт, где наша точка зрения сходится с фрейдистской: речь идет о роли детской травмы в формировании игровой зависимости. Как и Фрейд, мы полагаем, что корни проблемного игрового поведения уходят глубоко в прошлое. Однако, в отличие от Фрейда, мы не подразумеваем обязательного сексуального компонента. Вместе с тем мы оспариваем точку зрения, доминирующую в современной психологии, согласно которой игровая зависимость большей частью является результатом когнитивного нарушения — либо нарушения восприятия — и потому должна лечиться средствами когнитивной терапии.

С точки зрения некоторых исследователей, мало кому удалось настолько подробно обрисовать и задокументировать собственные травмы, как Достоевскому. Критик Александр Берри отмечает в статье, посвященной роману «Идиот»:

В жизни и творчестве Достоевского травма повсюду, и потому он исследовал этот феномен внимательнее, чем какой бы то ни было другой писатель. Его творческая манера

формировалась под влиянием тяжелейших факторов: ссылка в Сибирь, изнурительные приступы эпилепсии, десятилетняя игровая зависимость и смерть двоих детей. Литературный труд обернулся терапией, помогая ему примириться с этими испытаниями, и в то же время открыл ему глаза на сущность травматических процессов [Virgú 2010: 255].

Кто-то может сказать, что слово «травма» слишком сильное, чтобы использовать его для описания жизни Достоевского — особенно в детстве. Но даже самый сдержанный человек согласится, что его жизнь была нелегкой. Известный специалист по творчеству Достоевского Кеннет Ланц (2012, личная беседа) отмечает, что Достоевский мало рассказывал о своих детских годах. Кажется, ему нравилось приезжать на лето в усадьбу Даровое, где он мог бродить по лесу и играть с крестьянскими детьми. В Москве его жизнь была организована в соответствии с волей отца. Более того, в больнице для бедных, где работал его отец, ему наверняка пришлось увидеть и пережить многое.

Как уже говорилось, у Достоевского была тяжелая игровая зависимость. В романе «Игрок» он излагает собственную теорию о том, откуда она взялась. По Достоевскому, страсть к игре — это способ поспорить с судьбой, защитить свою свободу и свободную волю. Если в других его романах герои ради этого примыкают к радикальным политическим движениям, совершают убийство или самоубийство, то в «Игроке» они делают рискованные ставки. Бросая вызов судьбе, игрок словно бы чувствует себя более живым — всякий раз, пока ждет, как выпадут кости.

Мы не поддерживаем эту теорию, которой Достоевский объясняет собственную игровую зависимость. В частности, мы не считаем, что большинство патологических игроков осмысленно бросают вызов судьбе. Возможно, им нравится рисковать, но едва ли они исповедуют настолько глубокий философский подход. И все же теория Достоевского представляет интерес, поскольку помогает нам лучше понять его роман и показывает один из способов, как патологический игрок может рационализировать свою игроманию.

Итак, в настоящей книге нам предстоит рассмотреть множество различных вопросов с различных точек зрения, и хотя наше исследование начинается с Достоевского, им оно не заканчивается. Сначала мы изучим жизнь Достоевского и попытаемся отыскать вероятные истоки его игромании с учетом того, что до определенного момента он почти не сталкивался с играми. Далее мы обратимся к жизни современных патологических игроков, чтобы понять, каким образом их истории помогают нам глубже исследовать природу игровой зависимости — как у Достоевского, так и в целом.

Наконец, мы представим новый взгляд на истоки игромании и объясним роль так называемого «эффекта Достоевского». В центре нашего внимания — патологическая страсть к игре, которую подпитывают четыре силы: во-первых, детская травма, во-вторых, стресс во взрослой жизни, в-третьих, психическое заболевание, и в-четвертых, неудачные копинг-стратегии. Во второй части данной книги мы подробнее рассмотрим эти идеи, а также их связь с существующей литературой.

В целом мы полагаем, что игровая зависимость возникает, когда человек сталкивается во взрослой жизни со стрессом, пробуждающим воспоминания о травматичном детском опыте. Эти воспоминания, поднимающиеся на поверхность, приводят к беспокойству и депрессии, от которых человек пытается избавиться. В отсутствие положительных и здоровых альтернатив решением становится игромания, позволяющая на время укрыться от проблем. Кроме того, существуют дополнительные факторы, формирующие патологическую страсть к игре: потребность в деньгах и доступность игорных заведений.

Как станет видно в последующих главах, многие проинтервьюированные нами игроки похожи на Достоевского — их игровая зависимость возникла тем же путем, что и у него. Однако в их жизни имеются и другие факторы, которых у Достоевского не было. Например, некоторые из них познакомились с играми еще в детстве, росли с родителями-игроками или имели больше возможностей играть, поскольку игры оказались более доступными. Эти факторы также анализируются в нашем исследовании.

Ну что ж, для начала давайте рассмотрим в общих чертах биографию Достоевского. По ходу книги мы будем не раз к этому возвращаться.

Краткая биография Ф. М. Достоевского

Жизнь Достоевского неоднократно становилась предметом тщательных исследований, поэтому в том, что касается конкретных фактов, практически нет места разногласиям и сомнениям. Вопрос лишь в том, какое значение тот или иной биограф придает отдельным событиям из жизни писателя. Различные исследователи оценивают факты по-разному, стремясь вывести мораль или заострить внимание на определенных аспектах его личности и творчества. Мы, разумеется, обращаем особое внимание на те факты, которые необходимы для понимания «эффекта Достоевского» и его влияния на формирование игровой зависимости.

В отношении биографической информации мы в основном полагаемся на три источника. Первый — это знаменитая биография Достоевского в пяти томах, составленная Джозефом Фрэнком. Первый том вышел в 1979 году, последний — в 2002 году [Frank 1979; Frank 1987; Frank 1988; Frank 1995; Frank 2002]. В 2010 году издательство Princeton University Press напечатало сокращенную версию-однотомник под названием «Достоевский: писатель своего времени» [Frank 2010]. Вторым источником нам послужила работа российского достоевковеда К. В. Мочульского, опубликованная в 1947 году на русском языке, а в 1967 году — на английском [Мочульский 1947; Mochulsky 1967]. Третьим источником стала всеобъемлющая «Энциклопедия Достоевского» Кеннета Ланца, вышедшая из печати в 2004 году [Lantz 2004].

В работе Джозефа Фрэнка содержатся ценные сведения, позволяющие воссоздать литературный и культурный контекст биографии Достоевского. С точки зрения Фрэнка, художественное наследие писателя воплощает в себе все смятение, царившее в российской культурной и интеллектуальной среде XIX века. Мочульский выстраивает психологический контекст; для него книги Достоевского становятся выражением внутренней интеллектуально-психологической эволюции писателя. В «Энцикло-

педии Достоевского» можно обнаружить редкие подробности относительно фоновых персонажей и событий в жизни Достоевского, при этом автор не искажает общую смысловую картину. Информацию, полученную из этих трех работ, мы дополнили сведениями из других источников.

Достоевский был сыном врача, и его детство прошло в разных местах, в том числе и в загородном имении. В поведении его отца прослеживаются различные признаки психического нездоровья, в том числе и алкоголизм. Он жестоко обращался с маленьким Федей, его братьями и сестрами. Сам Достоевский на протяжении всей жизни испытывал к отцу двойственные чувства, но очень любил мать, которая умерла, когда ему исполнилось 16.

Современный исследователь Достоевского Томас Марулло (2021, личная беседа) подвергает сомнению устоявшуюся точку зрения относительно Михаила Андреевича Достоевского. Заново анализируя дневники и мемуары, Марулло приходит к выводу, что тот был хорошим отцом, заботился о детях и проявлял не больше строгости, чем было принято. Если это действительно так, то возможно, что предыдущие исследователи подпали под влияние Фрейда. Разумеется, Фрейд рассматривал Достоевского сквозь призму собственной теории об эдиповом комплексе. Но он был не одинок: на протяжении более чем столетия различные авторы анализировали книги Достоевского и приводили аргументы против его отца, приходя к тем же выводам, что и Фрейд. На сегодняшний момент можно сказать, что вопрос о роли М. А. Достоевского в жизни (и творчестве) его сына по-прежнему открыт для дискуссий. Мы, со своей стороны, придерживаемся доминирующей точки зрения и полагаем, что свидетельства говорят против отца.

Изначально нас интересовала наследственность, и хотя в этой книге о ней упоминается нечасто, она внесла свою небольшую, но важную лепту в те кризисы, с которыми столкнулся Достоевский. Он унаследовал от отца раздражительный («нервный») темперамент и эпилепсию. Двоих из детей — Федора-младшего и Любовь — отличала избыточная возбудимость и раздражительность, в то время как брат писателя Николай унаследовал от

отца тягу к алкоголю. Нет никаких данных о том, чтобы у других братьев и сестер Достоевского — Михаила, Андрея, Варвары и Веры — проявлялись невротические заболевания или алкогольная зависимость. То же самое можно сказать и об их супругах. Другие дети Достоевского — его родной сын Алексей и пасынок Павел — тоже не сталкивались с этими проблемами. Сообщается, что у Алексея иногда случались приступы конвульсий, однако он прожил спокойную и успешную жизнь и стал инженером.

Насколько нам известно, в семье Достоевского не было игроков. Никто из предков, братьев, сестер и детей писателя не страдал от игровой зависимости. Следовательно, истоки его игромании нужно искать в другом месте. Этот поиск и составляет одну из целей нашего исследования. Однако отметим, что отец Достоевского действительно злоупотреблял алкоголем, и поскольку будущий писатель уже в раннем детстве столкнулся с проявлениями патологической зависимости у одного из родителей — пусть и зависимости другого типа, — это, возможно, сыграло важную роль в развитии его игромании. В дальнейшем мы постараемся показать, что для людей, страдающих от депрессии и тревожного расстройства, алкоголь и игра могут стать альтернативными копинг-стратегиями.

Как отмечает психиатр Ричард Розенталь:

Есть точка зрения, что его игромания была вызвана, прежде всего, причинами генетического характера. <...> По меньшей мере пятеро его родственников первой степени родства на протяжении трех поколений были алкоголиками. Принято считать, что между этими двумя расстройствами существует генетическая связь. [Отметим также] его импульсивность, эмоциональную неустойчивость и эпилепсию — признаки, заставляющие с большой долей вероятности предположить генетическую, семейную предрасположенность к игромании. И, [учитывая] все стрессовые ситуации, с которыми он столкнулся, стоит рассмотреть следующую вероятность: возможно, он сам провоцировал некоторые такие ситуации по психологическим причинам (2012, личная беседа).

В ранней юности Достоевский отказался от карьеры инженера, которую выбрал для него отец, и вошел в художественные, артистические и радикально-политические круги. В результате он оказался на каторге в Сибири. После заключения и обязательной военной службы он женился и попытался зарабатывать литературным трудом. Однако почти всю жизнь провел в бедности и не мог полностью оплачивать свои расходы. В те времена литература была не самой доходной профессией, однако Достоевский зарабатывал достаточно и вполне мог обеспечивать свою семью, если бы лучше обходился с деньгами. Кроме того, ему до самой смерти приходилось поддерживать жадных родственников и оплачивать огромные долги.

После смерти первой жены и любимого брата Достоевский столкнулся с еще большими финансовыми трудностями. Он решил, что отныне обязан заботиться и о семье покойного брата. Именно тогда — приблизительно в 1862 году — он начал играть. В основном он играл на водах в Германии, например в Висбадене и Баден-Бадене. В это же время, в соответствии с требованиями издателя, был написан роман «Игрок».

Так вкратце выглядит история игровой зависимости Достоевского — краткий, но насыщенный период его жизни, который мы рассмотрим более подробно в нескольких последующих главах. Исследователи несколько расходятся в том, с чего все началось. Гэри Розеншильд отмечает следующее:

Привязанность Достоевского к играм, в особенности к рулетке, продлилась примерно десять лет, с 1862 по 1871 год. <Однако> Сараскина [Saraskina 2003: 389–398] доказывает, что еще в молодости, в Петербурге, Достоевский проигрывал крупные суммы денег, в том числе и из своего наследства. Но, впервые оказавшись в Европе, он познакомился с рулеткой — игрой, которая не требует мастерства и полностью зависит от случая. Так склонность превратилась в зависимость [Rosenshield 2011: 212].

В 1862 году Достоевский впервые отправился за границу и выиграл 11 тысяч франков в казино в Висбадене. Позднее, как

пишет Ланц [Lantz 2004: 156], он снова остановился в этом городе и выиграл почти такую же сумму. Вскоре он проиграл половину выигрыша и отправил часть того, что осталось, жене и брату. Но после того, как он встретился в Париже со своей любовницей Полиной Суловой, Достоевский вернулся в казино и проиграл все до копейки. Ему пришлось написать близким и попросить их вернуть те деньги, которые он только что выслал, чтобы ему было на что вернуться домой в Петербург.

Как минимум один комментатор полагает, что Достоевский обратился к игре, чтобы «смягчить острое чувство вины, вызванное тем, что он бросил свою первую жену умирать и отправился к любовнице — молодой писательнице и феминистке Аполлинарии Суловой» [Carter 2006: 186]. В книге не раз еще возникнет эта тема — связь вины и игровой зависимости.

Бурные отношения Достоевского с соблазнительной Полиной продлились недолго. Эта история еще раз доказала, насколько прав был психоаналитик Жак Лакан, когда заявил, что любить — значит давать то, чего у вас нет, человеку, которого вы не знаете. Зачастую причиной подобной страсти становится не счастливая встреча двух подходящих друг другу людей, а отчаяние и потребность в эмоциональной поддержке. И можно сказать, что афоризм Лакана прекрасно описывает страсть Достоевского к играм: он был готов пожертвовать деньги, которых у него не было, колесу рулетки, о котором он ничего не знал.

Тем не менее его страсть к игре не утасла — ни после разрыва отношений с Полиной, ни даже после смерти Марии, его первой жены. Вскоре он женился на своей секретарше Анне и продолжил играть. Стивен Картер пишет:

В апреле 1867 года Достоевский уехал из России в Центральную Европу, отчасти чтобы отметить бракосочетание с Анной Григорьевной Сниткиной — молодой стенографисткой, которая осенью 1866 года помогала ему в работе над романом «Игрок». И хотя эта книга позволила Достоевскому вырваться из когтей издателя Стелловского, который иначе получил бы права на все его будущие произведения, перед молодоженами по-прежнему стояла серьезная финан-

совая угроза. Страх долговой тюрьмы омрачил для Достоевского его четырехлетнее пребывание в Европе. Сначала он жил в Берлине и Дрездене. Там он стал задумываться о том, что решением его финансовых проблем могла бы стать игра [Carter 2006: 185].

В мае он ненадолго съездил в Бад-Хомбург; позднее они с Анной отправились в Баден-Баден. Но эта игроманская экспедиция обернулась катастрофой. Вопреки его надеждам, жизнь следовала за искусством, и вскоре Достоевский, в точности как антигерой его романа Алексей, пал жертвой демонов игры. Везло ему мало. К концу лета он заложил многие вещи, принадлежавшие ему и Анне, и был вынужден выкупать их за счет тех средств, которые присылали из России его друзья.

Критик Брюс Уорд описывает четырехлетний период игровой зависимости, когда Достоевский жил с Анной в Европе:

Их жизнь в Европе была отмечена одиночеством и бедностью, временами отчаянной, поскольку Достоевский был игроком, но в игре ему не везло. Ситуацию усугубляли проблемы со здоровьем: как выяснилось, в европейском климате его эпилепсия усилилась. В возрасте всего нескольких месяцев умер их первенец. И, наконец, они отчаянно тосковали по дому [Ward 1998: 410].

Промежуток с 1865 по 1871 год биограф Джозеф Фрэнк называет «чудесными годами». Критик Эдвард Васиолек в своей рецензии на книгу Фрэнка вкратце объясняет, что за чудеса совершил Достоевский в этот период нищеты и изгнания:

Для Достоевского это были годы невероятного творческого подъема: именно тогда он написал такие произведения, как «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», а также «Игрок» и «Вечный муж». Практически все они были созданы за границей, куда Достоевский отправился с молодой женой, чтобы сбежать от кредиторов и жадных родственников. Там он провел четыре года. <...> Страдая от нищеты, слабого здоровья и патологической страсти к игре, он едва выживал от гонорара до гонорара. <...> Возможно, он бы не

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru